

БРАВО–БРАВИССИМО, ПЕТРОВ И БУБЕЛЬНИКОВ

«...Мне бы хотелось, чтобы ты, Санчо, оценил и полюбил комедию, а следственно и тех, кто ее представляет, и тех, кто ее сочиняет, ибо все они суть орудия, приносящие государству великую пользу: они беспрестанно подставляют нам зеркало, в коем ярко отражаются деяния человеческие, и никто так ясно не покажет нам различия между тем, каковы мы суть, и тем, каковыми нам быть надлежит, как комедия и комедианты.

Нет, правда, скажи мне: разве ты не видел на сцене комедий, где выводятся короли, императоры, папы, рыцари, дамы и другие действующие лица?

Один изображает негодяя, другой — плута, третий — купца, четвертый — солдата, пятый — сметливого простака, шестой — простодушного влюбленного, но, едва лишь комедия кончается и актеры снимают с себя костюмы, все они между собою равны», — в XXII главе своего романа устами титульного героя объясняется с читателем Мигель де Сервантес Сааведра. Объяснение стоит позаимствовать на странице «Страстного бульвара, 10» не только с тем, чтобы проиллюстрировать им пролог юбилейного действия, организованного труппой **Санкт-Петербургского детского музыкального**

Александр Петров и Павел Бубельников

театра «Зазеркалье» в честь своих создателей — режиссера **Александра Петрова**, которому — **70**, и дирижера **Павла Бубельникова**, которому — **75**. Один выехал на сцену на коне, позаимствованном из постановки «Царской невесты» Николая Римского-Корсакова, другой — на ослике, взятом из идущей там же «Золушки» Джоаккино Россини. Высоко восседал не тот, что портретно смахивает на идадьго, то есть — Бубельников, а Петров, нацепивший на себя гримасу оруженосца. Места дислокации можно было поменять: дирижера водрузить на конягу, а режиссера опустить долу — их творческому тандему с легкостью подходят любые варианты, а отсутствие амбиций друг перед другом запросто позволяет эти варианты театрализовать. Общее «донкихотство» и общее «санчопанство» свойственны Петровубубельникову и Бубельниковупетрову (пишем в одно слово созна-

тельно) как определяющие характеристики творчества и основополагающие мотивы театрального взгляда на реальный мир, что воздвигается ими на сцене. Оба — романтики, оба — комедианты, оба — прекраснодушные вольнолюбцы.

Так зачем цитата из Серванеса? Для того чтобы пояснить их, Петрова и Бубельникова, алгоритм содружества и сотворчества на протяжении немалых 45-ти лет, из коих, как в волшебной сказке, 33 года они провели в качестве руководителей «Зазеркалья». Название театра со временем приобрело звучание пошире кэрролловской поэтики и оказалось связанным, как кажется, с самим Сервантесом и самим Шекспиром, по прямой. Величайшая идея театра-зеркала, театра-отражения и театра-преображения проросла и покрыла пустовавшее ранее в городе на Неве поле цветочным ковром.

Благополучные консерваторские выученики Петров и Бубельников успешно начали и победно продолжали работать в МАЛЕГОТе, преподавали в ЛГИТМиКе, но в один прекрасный день решили объединить творческие взгляды, художественные потребности и административные усилия, дабы создать в Петербурге первый детский музыкальный театр. За ними пошли институтские питомцы, познавшие дух студийности и огласившие равенство устремлений под знаменами учителей. К моменту, когда художественный манифест оказался предьявленным петербургской публике («**Браво-брависсимо, пионер Анисимов! или Никто не хочет петь**», «**Витамин роста**» **Леонида Десятникова** и им же оркестрованный «**Детский альбом**» **Петра Чайковского**), «зазеркальцы», уже ведали театральные пути, «приносящие государству великую пользу»: подставляя зеркало, не врать, не лукавить, не назидать.

Быть свободными, заразительными, смелыми. На этих нехитрых заповедях и поднялся театр, куда вместе со зрителями разных возрастов подались композиторы, драматурги, художники, артисты, где зазвучала разная музыка, похожая на разную жизнь, где спектакли изысканного питерского вкуса оказались независимыми, смелыми, увлекательными. Оперы, мюзиклы, детские сказки делали в содружестве с **Сергеем Баневичем, Ольгой Петровой и Ириной Цеслюкевич, Ефремом Подгайцем, Сергеем Плешаком, Игорем Рогалевым, Владимиром Баскиным, Дмитрием Жученко, Романом Львовичем** etc., открыва-

ли без боязни застоявшиеся на библиотечных полках клавиры классиков, перепрошивали репертуарные хиты и возвращали их на сцену неузнаваемыми, не боялись рисковать, экспериментировать, вольно жить и вольно творить.

«Зазеркалье» получился театром современных интонаций. В нем наладились свои взаимоотношения с публикой, образовался собственный стиль. Петров и Бубельников как настоящие волшебники, сумели превратить свою сцену в «Детский альбом» и разыграть на ней «**Рождественскую историю**» под клавирную музыку **Баха**. Им оказалось под силу устроить на Петроградской стороне Венецию, где идет снег («**Снег в Венеции**») и поманить подростков «**Любовным напитком**». В их владениях «**Порги и Бесс**» встретились с «**Директором театра**». Построился «**Ноев ковчег**», сочинились «**Сказки Гофмана**», разыгрались «**История солдата**» и «**Вестсайдская история**». Здесь поселились цыганка Кармен и кровавые опричники царя Иоанна («**Царская невеста**»), а энциклопедия русской жизни — «**Евгений Онегин**» — зазвучала элегией «невозможного» счастья...

Миром, созданным на улице Рубинштейна, 13, Петров и Бубельников владеют безраздельно. Аудитория, получившая здесь прописку, доверяет им безгранично. В стране «Зазеркалья» растут и вырастают в согласии, как надлежит в настоящих семьях и домах, новые поколения. Вперед — с Дон Кихотом и Санчо Панса.

Сергей КОРОБКОВ
Фото из архива театра